Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)

В. К. Сингх, А. М. Степанов¹

Аннотация. В статье дан обзор находок детских деревянных игрушек, являющихся имитациями боевого оружия и происходящих с усадеб, открытых на Троицком раскопе в Великом Новгороде. Всего выявлено 203 экз., среди которых: деревянные мечи (160), луки (21), копья (14), ножи (3), топоры (3), булава (1) и клевец (1). Хронологические рамки исследования — середина X — конец XIV в. Большую часть коллекции составляют рукояти мечей (160 экз.). Для этой категории выделено три основных типа по форме навершия, соответствующих реальным боевым мечам. Проведена топография находок по усадьбам, выявившая отдельные скопления, характерные в первую очередь для X — первой половины XI в.

Annotation. This paper presents a review of the finds of children's wooden toys imitating battle armament from the properties uncovered at the Troitsky Excavation in Veliky Novgorod. Totally, 203 items have been found including: wooden swords (160), bows (21), spears (14), knives (3), axes (3), a mace (1) and a bec de corbin (1). The chronological range of the study is the mid-10th — late 14th century. The majority of the collection is composed by sword hilts (160 items). Among this category, three main types have been distinguished according to the shape of the pommel corresponding to real battle swords. The topography of the finds throughout the properties was examined revealing separate accumulations characteristic primarily of the 10th — first half of the 11th century.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Троицкий раскоп, детские игрушки, предметы вооружения, X–XIV вв., типология, топография.

Keywords: mediaeval Novgorod, Troitsky Excavation, children's toys, items of armament, 10th–14th century, typology, topography.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-182-193

В результате многолетних археологических исследований в Новгороде науке стала доступна уникальная коллекция деревянных изделий разнообразного назначения. Это многочисленные орудия труда, детали транспорта, машин и станков, бытовые изделия, домашняя утварь, архитектурная резьба, деревянная скульптура и т. д.

Среди них отдельное место занимают детские игрушки. Они обнаружены массовыми сериями во всех средневековых напластованиях города с X по XIV в. В этой коллекции большую долю составляют игрушки — имитации предметов вооружения. В их числе деревянные мечи, луки и стрелы, топоры, кинжалы, ножи, булава и клевек.

Самым популярным материалом для изготовления детских игрушек служило дерево, этот материал был легкодоступен, не требовал специальных приспособлений, условий для работы с ним, в отличие от глины и кожи. Простейшие игрушки дети могли делать сами, более сложные в исполнении требовали помощи взрослых. Массовое изготовление игрушек не было характерно для средневековья, каждая семья изготавливала необходимое ей в домашних условиях.

¹ Сингх В. К. — кафедра археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия; E-mail: arxeolog@gmail.com; Степанов А. М. — Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (ЦОАИ НГОМЗ); ул. Ильина, д. 26, Знаменское подворье, г. Великий Новгород, 173000, Россия; E-mail: sam0464@mail.ru.

Таблица 1. Распределение деревянных игрушек — имитаций предметов вооружения по векам
 Table 1. Distribution of wooden toy weaponry throughout the centuries

Наименование игрушки		Век					Всего
		X	XI	XII	XIII	XIV	
Мечи	I тип	46	31	5	3	–	85
	II тип	12	12	5	1	–	30
	III тип	1	2	6	11	2	22
	Прочие	11	5	5	2	–	23
Луки		3	8	6	–	3	21
Копья		1	10	3	–	–	14
Ножи		–	2	1	–	–	3
Топоры		–	1	–	2	–	3
Булава		–	1	–	–	–	1
Клевец		–	–	–	1	–	1
Всего		74	72	31	20	5	203

Для ребенка игрушка была, кроме развлечения, и одним из способов знакомства с окружающим миром, с будущей социальной ролью. В игре ребенок получал первые уроки правил поведения в коллективе, усваивал этические ценности своего общества. Подражая в своих играх поведению старших, дети часто использовали инвентарь, сходный с применяемым в быту и повседневной жизни.

Поражает детальная проработка некоторых игрушек, по которым можно представить эволюцию вещи, что не всегда можно сделать по остаткам настоящих предметов.

Впервые к категории детских деревянных игрушек обратился А. Ф. Медведев, в рамках исследования древнерусского оружия из раскопок Новгорода (Медведев, 1959). В своей работе он приводит сведения о 13 известных на тот момент навершиях деревянных мечей, отмечая, что их форма подражает форме настоящих мечей, употреблявшихся в соответствующее время (Там же. С. 122).

После завершения работ на Неревском раскопе и систематизации деревянных изделий Б. А. Колчин выпустил свод новгородских древностей по резному дереву (Колчин, 1971). В разделе, посвященном рассмотрению игрушек, он сообщает о находках более 50 экземпляров рукоятей детских мечей и описывает наиболее интересные, привязывая их к типологии железных мечей, разработанной А. Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1966а). Деревянные мечи интересуют Б. А. Колчина как предмет массового бытового искусства жителей средневекового Новгорода.

В 1980-е гг. на кафедре археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова состоялись защиты двух дипломных работ, посвященных данной тематике. В 1985 г. защиту проходит работа Е. В. Глазуновой «Типология наверший деревянных мечей из Новгорода» (Глазунова, 1985), в которую включены находки 78 обломков мечей, происходящих из 13 раскопов города: Неревского, Троицкого, Кировского, Дубошина, Нутного, Кузьмодемьянского, Готского, Лубяницкого, Людогощинского, Торгового, Михайловского, из раскопок на Ярославовом дворище и у вала Окольного города.

Проведенный в дипломной работе Е. В. Глазуновой анализ по сопоставлению детских мечей с их оригиналами выявил, что они хронологически и типологически полностью соответствуют общеевропейским стандартам (Глазунова, 1985. С. 83).

В 1987 г. защищается дипломная работа Н. А. Морозовой «Игрушки древнего Новгорода (опыт анализа исторического источника)» (Морозова, 1987). В ней дан обзор детских игрушек, изготовленных из дерева, глины, кожи, кости, насчитывающий 1410 предметов, найденных в ходе археологических исследований в Новгороде в 1951–1986 гг. Среди них навершия деревянных мечей, луки, копья, ножи и топор (Морозова, 1990).

Результаты этих двух дипломных работ были обобщены в статье А. С. Хорошева «Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок)» (Хорошев, 1998).

В настоящей работе предпринята попытка сбора и анализа детских игрушек — предметов вооружения, происходящих с усадеб Троицкого

Рис. 1. Рукояти деревянных игрушечных мечей с грибовидным навершием (тип 1)

Fig. 1. Hilts of wooden toy swords with mushroom-shaped pommel (type 1)

раскопа, одного из крупнейших археологических объектов, расположенного в Людином конце средневекового Новгорода. Всего собрано и систематизировано 203 предмета, относящихся к данной категории. Среди них: мечи — 160 экз.; луки — 21 экз.; копия — 14 экз.; ножи — 3 экз.; топоры — 3 экз.; булава — 1 экз.; клевец — 1 экз. (табл. 1).

Мечи

Самой массовой категорией игрушек в коллекции Троицкого раскопа являются деревянные одноручные мечи. Они имеют все основные детали, присущие реальному боевому оружию, — лезвие, рукоять, навершие и перекрестие. Как правило, сохраняются только рукояти с перекрестием и с обломком лезвийной части. На Троицком раскопе за все годы исследований собрана коллекция из 160 подобных предметов, из них три — целые экземпляры. Максимальную информацию несут те навершия, которые сохранили перекрестие и часть лезвия, так как являются бесспорными фрагментами меча, а также дают возможность осуществления ряда промеров. Однако такие навершия составляют чуть больше половины от общего числа.

Размеры рукоятей различались в зависимости от возраста и, соответственно, размера руки ребенка.

В результате анализа наверший игрушечных мечей обнаружено сходство их форм с навершиями боевых железных мечей. Внешнее сходство подтверждается количественным и хронологическим единством, соблюдением основных пропорций. Весь массив находок можно условно разделить на три основных типа по форме навершия.

Тип 1. Самый распространенный тип навершия имеет полукруглую или грибовидную форму (рис. 1).

К данному типу отнесено 85 экземпляров. Хронологически данный тип игрушечных мечей представлен с X по XIII в., однако основная масса этих вещей приходится на ранний период — X–XI вв. (74 экз.), а затем постепенно сокращается, сходя на нет к первой половине XIII в.

К этому типу можно отнести четыре рукояти с навершиями, имеющими деления на три или пять лопастей, а также навершие с неровным ступенчатым краем (рис. 2, 1–3). Все они датируются серединой — второй половиной X в. Несмотря на различия в оформлении декора наверший, в целом они имеют грибовидную форму.

Этот тип мечей без сомнения имитирует настоящие боевые мечи с полукруглым (грибовидным) навершием, выкованным из одного куска со своим основанием (тип X по Я. Петерсену)

Рис. 2. Варианты рукоятей деревянных мечей типа 1

Fig. 2. Variants of hilts of type 1 wooden swords

Рис. 3. Мечи и рукояти деревянных игрушечных мечей с треугольным навершием (тип 2)

Fig. 3. Swords and hilts of wooden toy swords with a triangular pommel (type 2)

(Петерсен, 2005. С. 186) и тип IV по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966а. С. 54). Орнаментация у наверший этого типа отсутствует. Экземпляры с трех- и пятилопастными навершиями являются стилизованными изображениями нескольких типов железных мечей: S, T-2 и V (Петерсен, 2005. С. 173, 178, 183).

Тип 2. Рукояти мечей этого типа имеют треугольное или подтреугольное навершие (рис. 3). Перекрестие достаточно широкое и не длинное. В ряде случаев выступы перекрестия практически отсутствуют. К этому типу относятся 29 экземпляров. Они бытуют с середины X до начала XIII в., но, как и мечи типа I, концентрируются в слоях X–XI вв. Эти мечи сходны по форме с типами А, В и Н по Я. Петерсену (Петерсен, 2005. С. 96, 98, 125).

Тип 3. Рукояти мечей этого типа имеют круглое или дисковидное навершие. Таких мечей найдено 21 экз. Они довольно равномерно распределены с X по XIV в., но основная часть приходится на вторую половину XII — XIII в. Мечи подобной формы не имеют предшественников и появились не ранее начала XII в. Самые поздние датируются началом XV в. Мечи с дисковидным навершием соотносятся с мечами типа VI по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966а. С. 55).

Кроме перечисленных типов в коллекции Троицкого раскопа имеются деревянные рукояти мечей с навершиями фигурных или иных геометрических форм, однако это единичные экземпляры,

Рис. 4. 1 — миниатюрный деревянный меч индивидуальной формы; 2 — деревянная деталь с изображением мечей
 Fig. 4. 1 — miniature wooden sword of an individual form; 2 — wooden object with a representation of swords

которые не составляют тип (всего 19 экз.) (рис. 4, 1). Также обнаружены четыре клинка от мечей.

Характер распределения наверший деревянных игрушечных мечей во времени представлен

Рис. 5. Хронологическое распределение деревянных мечей по типам (а — тип I; б — тип II; в — тип III; з — прочие)

Fig. 5. Chronological distribution of different types of wooden swords (a — type I; б — type II; в — type III; з — other)

на рис. 5 и в табл. 1. Они демонстрируют любопытную картину бытования различных типов мечей в Новгороде на протяжении X–XIV вв. Наибольшее количество мечей приходится на X — первую половину XI в. Это период бытования двух ранних типов — с грибовидным и треугольным завершением рукоятей. Их количество значительно снижается к середине XII в., и до конца XII в. они представлены единичными экземплярами. К концу XI — началу XII в. начинает увеличиваться доля рукоятей мечей с дисковидным навершием. Наибольшее количество мечей данного типа приходится на вторую половину XII — XIII в.

Следует отметить, что уже в ранних ярусах, датируемых X в., фиксируется значительное количество мечей (70 экз.), так что мы можем говорить о максимальной их концентрации в X — первой половине XI в. По-видимому, данная категория находок появляется в более раннее время, но поскольку в Новгороде пока не обнаружено слоев ранее 30-х гг. X в., то на этот счет у нас нет никакой информации.

Сопоставление выделенных типов наверший деревянных мечей с типами боевых железных

Рис. 6. Деревянные «нагели» с грибовидным навершием для соединения подвижных механизмов: 1–3 — «нагели» с Троицкого раскопа, X–XII вв.; 4, 5 — соединение двух звеньев одной конструкции с помощью «нагеля» (Szabó et al., 1985. Abb. 122–123)

Fig. 6. Wooden 'pins' with a mushroom-shaped head for fixation of mobile mechanisms: 1–3 — 'pins' from the Troitsky excavation, 10th–12th century; 4, 5 — junction of two links of a single construction using a 'pin' (Szabó et al., 1985. Abb. 122–123)

мечей по классификациям Я. Петерсена и А. Н. Кирпичникова демонстрирует достаточно явное сходство форм. Внешнее сходство подтверждается количественным и хронологическим единством. Среди железных боевых мечей господствуют типы с грибовидным, трехчастным и треугольным навершием. В более позднее время — с дисковидным. Деревянные навершия в основном представлены также подобными типами. Игрушки копируют только наиболее популярные типы мечей, представленные большим количеством находок.

В качестве дополнительных источников о мечах ранее привлекались находки из раскопок Новгорода с изображением воинских сцен. В частности, фрагменты деревянных резных сосудов с Неревского и Троицкого раскопов, датированные XIII в. (Сорокин, Тянина, 1999). Нелишним будет упомянуть и находку деревянной детали, найденной на Троицком раскопе на усадьбе «П» в слое первой половины XI в. Она представляет

собой небольшое колесико, диаметром 10,4 см с квадратным отверстием в центре для крепления, вероятно, к оси (рис. 4, 2). Интерес представляют изображения двух вырезанных на нем мечей. При всем схематизме и небрежности изображенных клинков, напротив, очень тщательно вырезаны навершия рукоятей мечей. Они определенно соотносятся с мечами типа V с грибовидной трехчастной головкой (Петерсен, 2005. С. 183).

Иногда в музейных коллекционных описях встречаются находки, неверно атрибутированные как рукоятки деревянных мечей. Визуально они похожи на детали детских игрушек и представляют собой стержни круглого сечения, завершающиеся грибовидными навершиями. Но, в отличие от рукояток мечей, они более массивны, а в месте перекрестия они не обломаны, а аккуратно обрезаны. Кроме того, в нижней части стержня некоторых изделий просверлено сквозное перпендикулярное отверстие (рис. 6). На основании этнографических данных можно с большой долей

уверенности говорить, что подобные предметы могли использоваться для соединения и удерживания вместе каких-либо устройств или механизмов, например в повозках или земледельческих орудиях. На некоторых изделиях прослеживаются следы износа, которые могли возникнуть из-за двухсторонней тяги (рис. 6, 1).

На Троицком раскопе обнаружено 16 таких находок. Прямые аналогии происходят из Элизенхофа — поселения VIII–XI вв. на полуострове Эйдерштедт в Северной Фрисландии (*Szabó et al.*, 1985. S. 133, abb. 122–123), Хедебю (*Westphal*, 2006. S. 89, 211, taf. 70, 1–4) и Шлезвига (*Saggau*, 2006. S. 265–266, abb. 46, 3).

Луки

Вторая по представительности категория детских игрушек — луки (21 экз.). Они, так же как и мечи, довольно точно воспроизводят форму сложного древнерусского лука. Их изготовление было достаточно простым и доступным мальчишеским рукам. Средняя длина детского лука составляла около 60–75 см, ширина 1,5–2,0 см, толщина — около 2 см (рис. 7, 1–5). Как правило, лук изготавливался из упругой можжевелевой палки, которая в середине имела небольшое утолщение и была слегка уплощена, на концах имелись вырезы для петель тетивы.

В новгородской коллекции имеются как целые экземпляры (6 экз.), так и фрагментированные (15 экз.). Основная часть находок детских луков сосредоточена в напластованиях X–XII вв.

Для детских луков использовали деревянные стрелы простых форм: с заостренным концом, имитирующим наконечник стрелы, и выемкой в торце под тетиву (рис. 7, 6–8). В археологической коллекции Троицкого раскопа их насчитывается несколько сотен. Однако среди них очень трудно разделить различные типы охотничьих стрел, древки боевых стрел и собственно игрушки. Каждая хорошо сделанная стрела-игрушка могла быть и стрелой охотника на пушного зверя и птицу, а обломки древков стрел с вырезом для тетивы могли быть и от настоящих боевых (*Колчин*, 1971. С. 52, 53, рис. 2). В связи с этим данная категория находок в статье не учитывается.

Копья и ножи

Детских деревянных копий и ножей значительно меньше. Копий найдено 14 экз. в слоях X — первой половины XII в. (рис. 8, 4–5). Большинство

приходится на вторую половину XI в. Типологически они не столь выразительны как мечи. Длина клинков составляет 18–26 см.

Ножей зафиксировано всего три: два экземпляра в слоях XI в. и один датируется первой половиной XII в. (рис. 8, 6). На одном из них сохранились остатки красной краски.

То, что ножей и копий меньше, чем мечей, следует объяснять особенностями детской игры, которая была не столько контактной и решительной, нежели взрослое сражение, и, следовательно, применение имитаций этих орудий детьми было эпизодическим (*Хорошев*, 1998. С. 85).

Той же причиной следует объяснять практически полное отсутствие в детском арсенале таких широко употребляемых ударных предметов, как топоры и булавы. Тем не менее в коллекции Троицкого раскопа они присутствуют в единичных экземплярах.

Топоры

Игрушечный топор обнаружен на усадьбе «Г» в напластованиях, датированных первой половиной XI в. (рис. 8, 1). Топор и рукоять аккуратно вырезаны из одного куска дерева. Тип топора относится к узколезвийным, с круглым обухом без щекавиц. Лезвие слегка опущено вниз. Размеры рабочей части топора — 7,8 × 2,6 см. Рукоятка круглая, диаметром 1,3 см, обломана снизу. Длина сохранившейся части — 21 см, на 2 см выступает над обухом. Более всего он тяготеет к топорам VIII типа, бытовавшим на территории Древней Руси в XI–XII вв. (*Кирпичников*, 1966б. С. 38).

Единственная аналогия троичскому топору обнаружена на Неревском раскопе в слое первой половины XIV в. Форма топора соответствует рабочему железному топору типа III по классификации Б. А. Колчина (*Колчин*, 1959. С. 26). Топоры данного типа бытовали с XIV по XVI в. В отличие от троичского топора, неревский экземпляр вырезан отдельно и насажен на деревянное топорище (*Хорошев*, 1998. С. 86, рис. 1, 8).

Кроме вышеописанного топора на усадьбе «К» в слое первой половины XIII в. было найдено два миниатюрных деревянных топорика (рис. 8, 2–3). Они находились на расстоянии около 2 м друг от друга и, очевидно, относились к одному комплексу. Длина рукоятки одного из них составляла 12 см, а размер топора 3,5 × 2,3 см. У второго экземпляра рукоятка обломана, но основные размеры практически идентичны первому.

Рис. 7. Детские деревянные луки и стрелы: 1-5 — луки; 6-8 — фрагменты стрел
Fig. 7. Children's wooden bows and arrows: 1-5 — bows; 6-8 — fragments of arrows

Рис. 8. Детские деревянные игрушки: 1–3 — топоры; 4–5 — копья; 6 — нож; 7 — клевец (чекан); 8 — булава
 Fig. 8. Children's wooden toys: 1–3 — axes; 4–5 — spears; 6 — knife; 7 — bec de corbin (chekan); 8 — mace

Топорики имеют короткое и широкое лезвие и более всего напоминают плотницкие топоры XVI–XVIII вв. Возможно два этих топорика не являются детскими игрушками и могли использоваться в каких-то других целях.

Булава

Деревянная булава была найдена на усадьбе «Т» в слое первой половины XI в. (рис. 8, 8). Она имеет округлую форму с четырьмя боковыми выпуклостями. Размеры — 5,2 × 3,7 см. В центре имеется круглое сквозное отверстие для рукояти диаметром 1,7 см. Более всего она тяготеет к булавам типа I (с четырьмя крестообразно

расположенными шипами) (Кирпичников, 1966б. С. 48–49, рис. 10, I). Шипам придана округлая форма во избежание нанесения серьезной травмы. Датировка археологических находок таких булав не противоречит стратиграфической дате деревянной имитации.

Клевец

Клевец, или чекан, происходит с усадьбы «И» из слоя первой половины XIII в. и имеет небольшие размеры (рис. 8, 7). Рукоятка и сам клевец вырезаны из одного куска дерева (очевидно, сучка). Ударная часть в форме заостренного клина, длиной 8,5 см, слегка опущена в сторону рукояти.

Рис. 9. Комплекс детских деревянных мечей из материковой ямы с усадьбы «У» Троицкого раскопа, середина X в.
 Fig. 9. Assemblage of children's wooden swords from a pit in the virgin soil at property 'Y' at the Troitsky Excavation, mid-10th century

Обух круглый, с аккуратно вырезанными двумя парами щекавиц. Рукоять обломана, сохранилась на 10,5 см и на 2 см выступает над обухом. На боковой стороне обломка рукояти имеется четырнадцать зарубок (вероятно, их количество было больше).

Топографическое распределение находок деревянных игрушек по территории усадеб, открытых на Троицком раскопе, показало следующую картину. В основном местоположение находок случайное и не привязано к каким-либо постройкам. Очень часто обломки деревянных игрушек обнаруживаются вблизи межусадебных оград, между плотно стоящими срубами либо у мостовых улиц или непосредственно на них. Очевидно, что сломанные и пришедшие в негодность игрушки попросту выбрасывали к частоколу или мостовой.

Однако зафиксированы отдельные скопления детских игрушек (преимущественно деревянных

мечей) на некоторых усадьбах. Так, на усадьбе «У» в одной из материковых ям второй половины X в. был обнаружен комплекс, состоящий из трех рукояток мечей: две с грибовидными навершиями и одна с треугольным (рис. 9) (Янин и др., 2012. С. 7).

Аналогичный комплекс зафиксирован на усадьбе «И» в тех же напластованиях. Здесь вместе найдено пять рукоятей мечей: четыре с грибовидным навершием и одна с треугольным. Кроме того, на небольшом отдалении от этого комплекса найден целый меч с клинком длиной 46,8 см (рис. 3, 1).

Еще два скопления деревянных мечей отмечено на усадьбе «Е» в слоях середины X в. и первой половины XI в.

Довольно часто деревянные игрушки — предметы вооружения встречаются и на других памятниках древнерусского времени, где, так же как в Новгороде, хорошо сохраняется органика.

В Старой Ладогe за период до 1959 г. найдено 22 игрушечных меча и два деревянных наконечника игрушечных копий (Равдоникас, 1950; Штапельберг, 1969). Все они относятся к хронологическому периоду VIII–X вв.

В Пскове, во время раскопок одной из построек X–XI вв., на развале печи-каменки был найден обломок уникального деревянного игрушечного меча с грибовидным навершием. На клинковой части игрушки вырезаны изображения двух мечей древней формы (Гроздилов, 1962. С. 55–56, рис. 43).

При раскопках в Гродно в напластованиях XII в. найдены четыре деревянных меча (Воронин, 1954. С. 63–64, рис. 27, 4–7). Судя по разной величине рукояток, эти мечи предназначались для

детей разного возраста. Три из них совершенно однотипны — с треугольным навершием рукояти. Четвертый более массивен, вырезан из твердого дерева. Сохранившаяся рукоятка округлая, с полукруглым навершием, под которым прорезано отверстие для подвешивания на шнурке.

Близкий к новгородскому комплекс игрушек был обнаружен при раскопках в Гданьске (Kunicka-Okuliczowa, 1959).

Приведенный обзор детских игрушек, производящих вооружение новгородского воина, не только довольно полно характеризует игровой мир юных горожан, но и дает дополнительный (а в случае с деревянными мечами — полноценный) материал для решения конкретно-исторических и социологических проблем.

Воронин, 1954 — Воронин Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 41). 240 с.

Глазунова, 1985 — Глазунова Е. В. Типология наверший деревянных мечей из Новгорода: Дипломная работа / Кафедра археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1985. 54 с.

Гроздилов, 1962 — Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова (1954–1956) // АСГЭ. Вып. 4. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 7–76.

Кирпичников, 1966а — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 181 с.

Кирпичников, 1966б — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 147 с.

Колчин, 1959 — Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 7–120.

Колчин, 1971 — Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-55). 114 с.

Медведев, 1959 — Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 121–191.

Морозова, 1987 — Морозова Н. А. Игрушки древнего Новгорода (опыт анализа исторического источни-

ка): Дипломная работа / Кафедра археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1987. 100 с.

Морозова, 1990 — Морозова Н. А. Игрушки древнего Новгорода // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1990. Вып. 3. С. 69–71.

Петерсен, 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 351 с.

Равдоникас, 1950 — Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. 1950. № XII. С. 7–40.

Сорокин, Тянина, 1999 — Сорокин А. Н., Тянина Е. А. Древнерусские деревянные сосуды с изображениями воинов // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1999. Вып. 13. С. 131–142.

Хорошев, 1998 — Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // НиНЗ ИА. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 82–94.

Штапельберг, 1969 — Штапельберг Ю. И. Игрушечное оружие из Старой Ладогы // СА. 1969. № 2. С. 252–254.

Янин и др., 2012 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К. Работы в Людином конце Новгорода в 2011 (Троицкий XIII Г-1 и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2012. Вып. 26. С. 5–15.

Kunicka-Okuliczowa, 1959 — Kunicka-Okuliczowa Ł. Wczesnośredniowieczne zabawki i gry z Gdańska // Gdańsk wczesnośredniowieczny. T. 1 / Red. Janina Kamińska. Gdańsk: GTN, 1959. P. 107–141.

- Saggau*, 2006 — *Saggau H. E.* Gehauene und geschnitzte Holzfunde aus dem mittelalterlichen Schleswig // *Holzfunde aus dem mittelalterlichen Schleswig. Ausgrabungen in Schleswig — Berichte und Studien.* Neumünster: Wachholtz, 2006. Bd. 17. S. 199–304.
- Szabó et al.*, 1985 — *Szabó M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J.* Die Holzfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof // *Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holsteins Serie: Elisenhof. Band 5.* Germanische Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes zu Frankfurt am Main, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Kiel. Frankfurt a. M., 1985. S. 278.
- Westphal*, 2006 — *Westphal F.* Die Holzfunde von Haithabu // *Die Ausgrabungen in Haithabu.* Bd. 11. Wachholtz Verlag. Neumünster, 2006. S. 248.

Wooden toys — imitations of armament from excavations of mediaeval Novgorod (materials from the Troitsky Excavation)

V. K. Singkh, A. M. Stepanov

The Novgorod archaeological collection is valuable primarily in the fact that, by comparison with other early Russian towns, it comprises not separate finds but a fairly comprehensive and a well stratigraphically documented complex. A particular place in this collection is occupied by the group of wooden children's toys imitating battle armament. This paper considers the complex of such objects retrieved from the properties in the Troitsky Excavation in Veliky Novgorod. Totally, 203 items have been registered including swords (160), bows (21), spears (14), knives (3), axes (3), a mace (1) and a bec de corbin (1). In terms of chronology, all the finds are distributed over the span of the mid-10th to the late 14th century, however the main concentration of the finds is dated to the 10th–11th century.

The most numerous category of finds included swords, and it was divided into three types according to the shape of the pommel head. Type 1 with a semi-round (mushroom-shaped) one, type 2 — with a triangular and type 3 with a round (discoid) pommel. Of the 10th–12th century, swords of the 1st and 2nd types are most typical. Swords of the 3rd type are predominant in deposits of the 12th–13th century. A comparison of the identified types of the pommels of wooden swords with the types of iron battle swords according to classifications of Jan Petersen and Anatoliy N. Kirpichnikov demonstrates a fairly clear similarity between the forms.

The second category of children's toys in terms of their representativeness is that of the bows. Like the swords, they also rather exactly imitate the form of the composite Old-Russian bow. The predominant number of their finds is dated to the 10th–12th century.

Finds of spears, knives and axes are fairly rare that is explained by the peculiarity of children's game which was not so close and resolute as a battle of adults and, consequently, the use of these imitations by children were rather episodic. The same fact explains the very rare finds of a mace or a bec de corbin.

A topographic analysis of the finds demonstrated mostly their chance location, unrelated to particular buildings. Fairly often, the fragments of wooden toys were found along the palings between the properties, near the paved streets or immediately upon them. As it seems, the broken or worthless toys were simply thrown out at the boundaries of the properties.

The presented here review of the children's toys imitating the weaponry of a Novgorod warrior not only fairly comprehensively characterizes the playing world of the young urban residents but also yields a supplementary evidence for solution of particular historical and sociological problems.